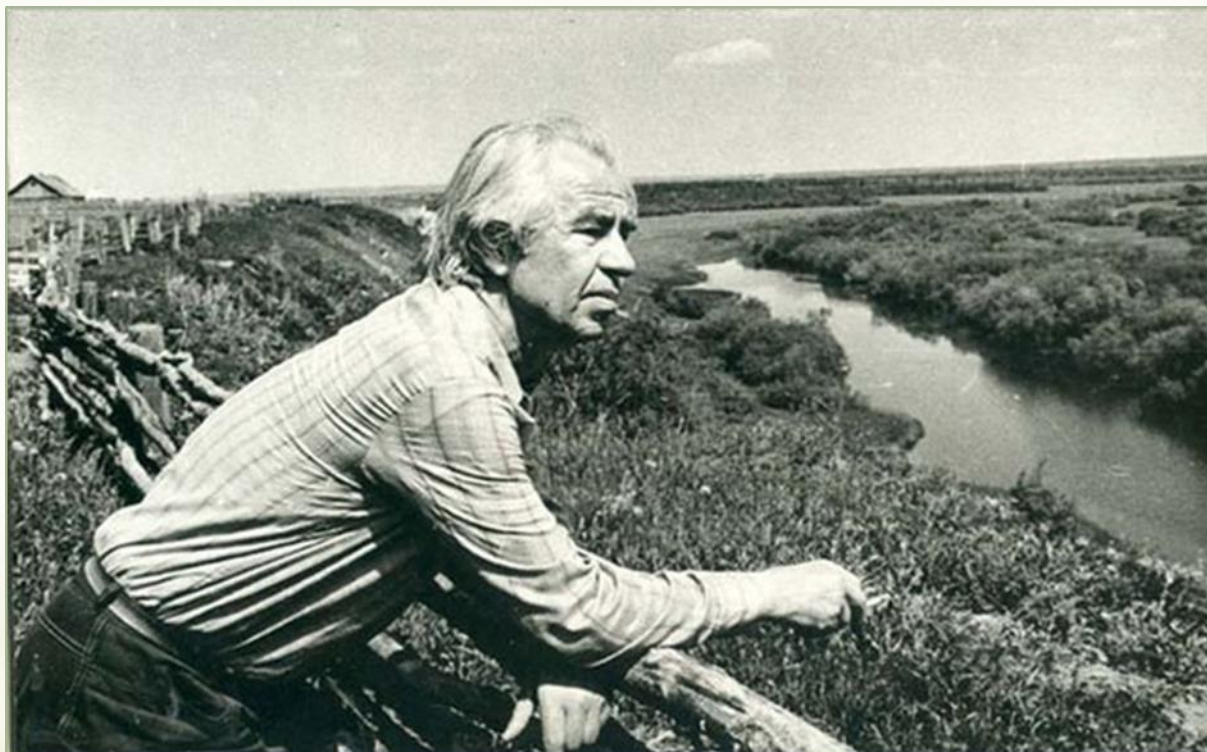
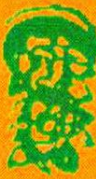

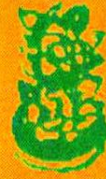
Василий Дмитриевич ФЁДОРОВ
К 105-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

**ЧАСТЬ ВТОРАЯ: авторский сборник «ДИВИСЬ
ТОМУ, ЧТО ТЫ ЖИВЁШЬ» (2016)**

ВАСИЛИЙ ФЁДОРОВ

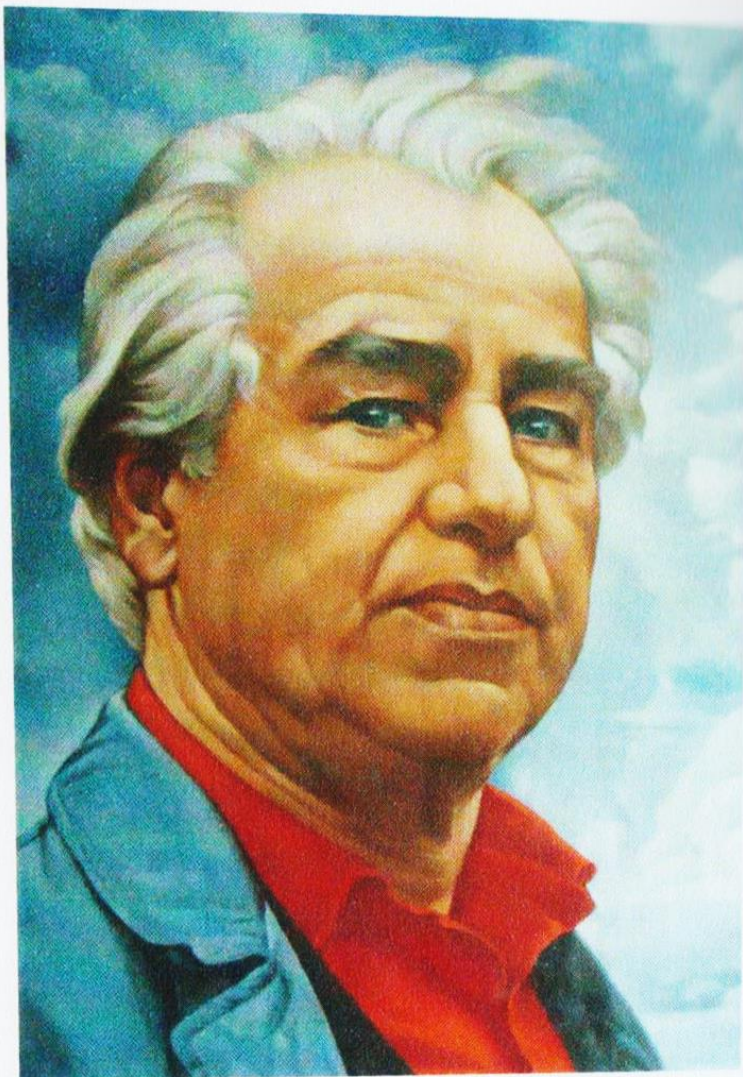
ВАСИЛИЙ
ФЁДОРОВ

*Давись ты мне,
что ты живёшь...*

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Василий
ФЁДОРОВ**

*Давись тому,
что ты живёшь*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Кемерово
2016

Редактор
В.А. Никулина

Составители
В.И. Лаврушкина
Г.И. Карпова

Графика
В.П. Кравчук

Я МАРЬЕВСКИЙ...

Василий Дмитриевич Фёдоров, безусловно, немеркнущая звезда на поэтическом Олимпе, классик отечественной литературы и гордость сибиряков.

Книга состоит из двух разделов. Первый – «Марьевская летопись» – посвящён малой родине поэта. Поэт всю жизнь гордился своей родной Марьевкой. Его стихотворения о сибирской природе, деревне, её людях вызывают такое чувство, будто читатель испил глоток живой воды и причастился к чему-то необыкновенно светлому и прекрасному. Всё мелочное, суетное отходит постепенно куда-то в небытие. По-иному начинает видеться казавшаяся ещё совсем недавно неразрешимой трагическая коллизия жизни и смерти. Всё больше и больше душа наполняется благодарностью к матери-природе, которая столь щедро дарует людям высочайшее благо – жизнь.

Стихотворения второго раздела книги – «По главной сути» – ведут с читателем удивительно откровенный, задушевный разговор

о первой любви, светлой как родник, об утра-
тах, верности и памяти любви, о том, как порой
ярко, неожиданно загорается поздняя любовь.
Слушая исповедь нежного и мужественного
сердца поэта, полного доброты к людям, чита-
тель начинает чувствовать, как светлеет у него
на душе, а окружающий мир приобретает новые
очертания и краски.

Все произведения этой книги объедине-
ны общим названием «Дивись тому, что ты
живёшь». Поэт был убеждён, что ни войны,
ни атомные бомбы не могут убить веры челове-
ка в будущее. Эта книга для многих, особенно
молодых читателей, тех, кто впервые открывает
для себя живой мир поэзии Василия Фёдорова,
может стать надёжным помощником в обрете-
нии уверенности и оптимизма в драматических
жизненных ситуациях.

Книга иллюстрирована замечательным
художником-графиком Василием Петровичем
Кравчуком. Василий Петрович и раньше иллю-
стрировал книги своего тезки В. Д. Фёдорова,
с которым он лично был знаком. Полистайте
книгу, и вы увидите удивительно красивое и чи-

стое пространство Марьевки: светлая берёзовая
рощица, покрытое кувшинками озеро Кайдор,
река Яя, родник под горой, музей-усадьба поэта,
стоящий на самом высоком месте села, которое
местные жители называют Назаркиной горой.

Нет сомнения, что эта книга станет хоро-
шим подарком читателям к грядущему 100-лет-
нему юбилею со дня рождения «кузбасского
Пушкина» – Василия Фёдорова, который Россия
отметит в 2018 году.

Василий Дмитриевич Фёдоров (23.02.1918–
19.04.1984) родился в селе Усть-Искитимское
(Щеглово), ныне город Кемерово, в много-
летней семье рабочего-каменщика. Детство
и юность поэта прошли в деревне Марьевке Яй-
ского района Кемеровской области. В 1938 году,
после окончания Новосибирского авиатехнику-
ма, В. Фёдоров был направлен на авиационный
завод в Иркутск. С 1938 по 1947 годы работал
на авиационных заводах Сибири технологом,
мастером и старшим мастером. Одновременно
писал стихи. В 1950 году Фёдоров окончил Ли-
тературный институт им. М. Горького. Василий
Фёдоров – лауреат Государственной премии

РСФСР им. М. Горького и Государственной премии СССР. Василий Дмитриевич Фёдоров также прекрасный прозаик, очеркист. Его произведения широко известны за рубежом – Китае, Франции, Чехии, Сербии, Болгарии. Он переводил стихотворения поэтов Украины, Кавказа и Закавказья, Прибалтики, Болгарии, Венгрии, Испании и др.

На родине поэта, в деревне Марьевке Яйского района, открыт литературно - мемориальный музей Василия Дмитриевича Фёдорова. Начиная с 1985 года ежегодно проводятся литературные праздники, посвящённые поэту – «Фёдоровские чтения». Решением губернатора Кемеровской области с 1995 г. утверждена литературная премии им. В. Д. Фёдорова. Главная библиотека Кемеровской области — Государственное бюджетное учреждение культуры «Кемеровская областная научная библиотека им. В. Д. Фёдорова» (<http://www.kemrsl.ru/>) с 1987 года с гордостью носит имя поэта, чьё творчество стало нашим национальным достоянием.

Вера Лаврушкина

ДРУГУ

Не удивляйся,
Что умрёшь.
Дивись тому,
Что ты живёшь.

Дивись тому,
Что к сердцу близко
Однажды ночью голубой
Горячая упала искра
И стала на земле тобой.

Не скифом
И не печенегом,
Минуя сотни скорбных вех,
Ты сразу гордым человеком
Явился
В наш двадцатый век.

– Мы – люди.
Нас легко обидеть.
Но ты подумал ли хоть раз,
Что я бы мог и не увидеть,
Мой друг,
Твоих печальных глаз?

Нас, гордых,
Жизнь не стала нежить,
Нам горький выдался посол.
Мы – люди,
Нас легко утешить
Напоминаньем больших зол.

В любви,
В крови,
В огне боренья,
Со славой тех, кто первым пал,
Сменялись,
Гибли поколенья
За это всё, что ты застал.

Всё чудо:
Солнце, вёсны, зимы.
И звёзды, и трава, и лес.
Всё чудо!
И глаза любимой –
Две тайны
Двух земных чудес.

Да будь я камнем от рожденья,
Я б в жажде всё одолевать
Прошёл все муки превращенья,
Чтоб только
Человеком стать.

Не удивляйся,
Что умрёшь.
Дивись тому,
Что ты живёшь.

Марьевская летопись

КОРНИ

Сибиряк,
 Я рос в лесном краю,
 Где текут Иртыш, и Обь, и Лена...
 Знаю родословную свою
 Только до четвёртого колена.
 Что за ним –
 Не слышал ничего я.
 Прадед был,
 И – помню из преданий –
 Он ходил по Волге с бечевою
 От верховья
 К Астрахани дальней.
 В некий час
 Не Волга ли внушила
 Прадедовой силе богатырской,
 Чтоб она не мешкая спешила
 К вольным рекам
 Стороны сибирской.
 Он простился с лямкою тугою
 И проехал пол земного шара...

По утрам над мрачною тайгою
Полыхали зори, как пожары.
Говорят,
В дороге лошадь пала.
И тогда, в тоске о горизонте,
По-бурлацки сорок верст без мала
Вёз телегу
Прадед мой Левонтий.
А потом,
Суровый и могучий,
Горький пот смахнув с лица устало,
Он взошёл на марьевские кручи
И сказал: «Судьба!»
Да так и стало.
Род суровый!
Люди-непоседы,
По тайге любившие скитаться,
О мои решительные деды –
Знатоки земли и рудознатцы!
Их нога ступала,
Где от века
Не вила гнезда себе орлица.

Говорят, во всех сибирских реках
Отражались их степные лица.
Жёны-горевухи голосили,
А они, прощаясь в поле с рожью,
Что-то про судьбу свою базили
И опять пускались в бездорожье.
Соки от корней
Идут к отросткам:
Выступая старшим на подмогу,
Мой отец совсем ещё подростком
Строить стал сибирскую дорогу.
Говорят,
Что строил образцово,
Строил так, что на дороге сына
До сих пор стоят мосты отцовы,
Презирая водные быстрины.
Сибиряк,
Я тоже с малолетства
Закалял себя в пути суровом,
Потому что получил в наследство
Страсть к труду
И страсть к дорогам новым.

Вспоминается детство
 И мать моя, жница,
 Пятистенной избы
 Вековой полумрак,
 А в переднем углу
 Вся в иконах божница,
 На которой я прятал
 Свой медный пятак.

У меня был расчёт,
 Да к тому же и тонкий,
 Что не каждый решится
 К богам на визит.
 Ну, а ежели что,
 Любопытной сестрёнке
 Николай Чудотворец
 Перстом погрозит.

Ото сна и ко сну
 Перед Девой Пречистой
 Бестолково взлетала

Моя пятерня.
 А уж старшие были
 Давно коммунисты,
 Между ними и мамой
 Шёл спор за меня.

Я душою –
 То к ним,
 То к обиженной маме,
 А у мамы дела
 Да привычка страдать.
 И однажды в грозу,
 Перед всеми громами,
 Есть ли Бог или нет,
 Я решил испытать.

Помню,
 Воздух от молний
 Взрывался, как порох,
 Наплывала тяжёлая,
 Душная гарь.
 Я решил.

Я взбежал на Астахов пригорок.
Я, бледнея, сказал:
– Если есть ты – ударь!

И ударило.
Молния трижды сверкала.
Трижды неба разлом
Надо мною зиял.
Трижды детское сердце моё
Замирало.
А потом – ничего,
Отошло.
Устоял.

Был тот день для меня
Днём второго рожденья,
Днём начала открытий,
Исканий моих.
Если я убеждён,
Нерушимы мои убежденья,
Потому что
Я жизнь свою ставил за них.

СЛЕДЫ

Вспоминается:
В книге я встретил
Очень горькие строки о том,
Будто в семьях лишь первые дети
Обладают богатым умом.
Говорил я с обидой ребятам:
– Вот настанут большие дела,
Разве я виноват, что девятым
Мать на поле меня родила.
Не скажите,
Что был я нескромен
Тем, что грань разнолетья стирал,
Братья были
Строители домен,
Удивительных дел мастера.
Для обиды
Есть разные поводы:
Я догнал бы, но, как на беду,
Начались торопливые проводы...
В сорок первом году.

Никогда,
 Никогда не забуду:
 Мать глядела и мяла платок...
 Разорвать наши взгляды с минуту
 Даже поезд, казалось, не мог...
 Никакие меня неудачи
 Не сумели пригнуть и сломать.
 Стал я первым в семье,
 Но иначе...
 Вспоминая потерянных, плачет
 Моя старая тихая мать.
 Даже если и слезы бывают,
 Их не видит никто.
 Поутру
 Слишком быстро они высыхают
 На холодном сибирском ветру.
 Даже больше –
 Весенними днями,
 Когда жизнь проступает во всём,
 Их смывает косыми дождями
 На горячий крутой чернозём.

Помню путь
 К материнскому дому:
 Проходя за пределом предел,
 По-иному, совсем по-иному,
 Не по-детски на мир я глядел.

Отдохнув на траве придорожной,
 После стольких
 Стремительных лет
 Я шагал по земле осторожно,
 Сапогами печатая след.

Было грустно.
Скажу откровенней:
Наклоняясь над теплой пыльцой,
Я как будто ослаб на мгновенье
И присел на родное крыльцо.
Вечерами
Здесь братья сидели
И делились заботами дня...
Всё, что сделать они не успели
В этой жизни,
Легло на меня.
Чтоб сказать
О потерях негрубо,
Вспоминая братанов своих,
Целовал материнские губы
Много раз –
За себя и за них.

ОЗЕРО КАЙДОР

Мне память горше,
Чем родни укор.
В моей деревне,
Что стоит высоко,
Есть озеро по имени Кайдор,
Всё в звёздах лилий
И в кудрях осоки.

Есть уголок среди травы густой,
Где можно искупаться и напиться;
Есть бухточка, где бережок крутой
Всегда в следах
Точёного копытца.

Как тот большой,
Что беспричинно чах,
Шёл я лечиться к одному, к другому
И, разуверившись во всех врачах,
Побрёл с поклоном к знахарю седому.

В обход деревни
 По густой стерне
 Несу Кайдору боли и невзгоды.
 Здесь,
 Прежде чем пойти к своей родне,
 Я исполняю ритуал прихода.

А приходить стараюсь на заре,
 В тот ранний час,
 Когда туманны дали,
 Чтоб из домов, стоящих на горе,
 Меня ничьи глаза
 Не увидали.

И мы вдвоём:
 Лишь озеро да я –
 Душа моя да сонных вод разливно-
 ность,
 И, ничего на сердце не тая,
 Снимаю всё –
 Одежду и стыдливость.

Шепчу воде:
 «Как в детстве, обними,
 Дай чистой ласки маленькую малость!
 Сними печаль,
 Сними с меня усталость
 И тяжесть лет добавленных
 Сними!

Я был доверчив,
 Стал я к людям строже,
 Порой смолчу и чувства утаю.
 Я трижды был обманутым,
 И всё же
 Ты мне верни доверчивость мою.

Пусть ошибусь,
 Пусть огорчат, расстроят,
 Пусть снова заблужусь
 В сердцах людских.
 И всё-таки уверен – люди стоят,
 Чтоб жизнью,
 Счастьем я платил за них!»

Так я веду
Языческие речи,
А сам иду,
Вода уже по грудь.
Вода уже давно покрыла плечи,
Вода всё выше, выше...
Не вздохнуть.

Меня вода Кайдорова милует, –
Должно быть, я воде ответно люб.
Она целует в губы,
В лоб целует
И поправляет поредевший чуб.

Мне память горше,
Чем родни укор, –
Уже три года в час отдохновенья
Не приходил я к озеру Кайдор,
Не исполнял обряда
Обновленья.

БЛИНЫ

Речь о газе ведёшь,
О какой-то утечке,
О каком-то баллоне
При нашем дворе,
А на памяти
Добрая русская печка
И лицо моей мамы
В домашней заре.

Пошурует клюкой,
Чтобы угли не гасли,
А потом накалённую,
С гладеньким дном,
Мать гусиным пером
Сковородку намаслит
И зальёт её тонким
Шипящим блином.

Ну а мы –
 Мы за печкой
 Не просим,
 Не кланчим,
 Только молимся нашим
 Ребячьим богам,
 Чтобы маму постигла
 С блином неудача,
 Потому что тот блин
 Шёл не гостю,
 А нам.

Дорогая,
 Наш дом
 Стал приветливым домом,
 И, когда ты колдуешь
 На хитром огне,
 Не откладывай блин,
 Что получится комом,
 А как память о детстве
 Отдай его мне.

Я в городах
 Строенья возводил,
 Выравнивал на улицах неровность.
 Я в городах
 По улицам ходил –
 Не человек,
 А некая условность.

Я зачерствел
 От гладкого житья,
 На чёрствых людях
 Притупил я жало.
 По вечерам милиция моя
 Меня от всяких страхов ограждала.

И только в наших
 Сумрачных лесах
 В ночную темь,
 Идя по звёздным вехам,
 Вдруг ощутил неодолимый страх...
 И снова стал я
 Чутким человеком.

ЛЮБКА – ЛЮБОЧКА

Утром – Любкой,
Ночью – Любочкой...
Отряхнув с души золу,
С виноватою улыбочкой
Проходила по селу.

Шла неспешно,
Будто с вёдрами,
Выводя за шагом шаг,
И покачивала бёдрами
По привычке,
Просто так.

Обзывали Любку шлюхою
Злые женщины порой.
Начинали слово буквою
Из алфавита второй.

Мужики с недоброй шуточкой
Свой дневной вершили суд.

Шла и знала:
Ночью Любочкой,
Утром Любкой назовут...

Шла отпетая, небрежная,
Под лузгу недобрых ляс,
Всю себя, нахально грешную,
Выставляла
Напоказ.

Отметая ночи ложные,
На меже вблизи села,
На другие непохожая
Ночь у Любочки была.

В играх звёздного свечения,
С перепевом петухов
Ночь любви и очищения
Ото всех былых грехов.

Ночь, не сделавшая просева,
Ночь, не вспомнившая зла.

Ничего с души не сбросила,
Всё с собою понесла.

Тихо, полная смирения,
Понесла в рассветный дым
Новое сердцебиение
Рядом,
Рядом со своим.

Сын приспел.
Нужны и метрики.
Вот, припав теплом к теплу,
С белым ситцевым конвертиком
Мать ступала по селу.

Мать ступала.
В знак прощения
Приподняли старики
Троеперстно, как крещение,
Лаковые козырьки.

Мать ступала.
И глумливые
Смолкли бабы у дверей,
Даже самые ревнивые
Стали к Любочке добрей.

Эти добрые и дружные
В мальчике
Из доброты
Всё простили б,
Даже мужние,
Даже мужние черты...

Шла,
Впервые некоримая,
И несла, забывши всё,
На судах неоспоримое
Оправдание своё.

КУЗЬМИХА

В моей деревне,
Прозябавшей тихо,
Жила-была
Столетняя Кузьмиха.

На диво
Бородатым мужикам
Она весь день
Помалу, помаленьку
То родники почистит,
То ступеньки
На спусках
К приозёрным родникам.

Те родники,
Что родила гора,
Бежали к озеру
Уже разумны,
Звенели,
Как натянутые струны

Под призрачной рукою
Гусяра.

Кузьмихи жизнь
Была уже темна,
Но на горе,
Прислушиваясь к пенью,
Вдруг обретала
Слух она и зреньё,
Когда смолкла
Хоть одна струна.

С присловицей туманной:
«Что, ин да?»
Она спускалась с заступом,
Как другом,
Мудрила что-то над струной,
И та
Через минуту
Набухала звуком.

Тогда она шептала:
«Мол, ин да!»
И уносила
Сухонькое тело,

А в руслах
Родниковая вода,
Подобно гусям,
Пела, пела, пела!

Есть тайна жизни
В каждом роднике,
Он может умереть,
Лишённый бега.
Полвека мне,
И вот через полвека
Кузьмихин заступ
У меня в руке.

В тени
Берегового закутка
Два голоса,
Две ноты трепетаний:
Один глубокий –
Из земной гортани,
Другой звончее –
С моего лотка.

У РОДНИКА

Мой родничок,
 Конечно, ты не Дон
 И Волгу не зовёшь
 Себе в подруги,
 Но, если б ты журчал
 На крымском юге,
 Тебя, мой друг,
 Одели бы в бетон.

Перед тобой,
 Сбегающим игристо,
 Толпились бы
 Всесветные туристы.

Всезнайка гид
 Легенду б рассказал,
 Как хан Гирей
 В охотничьем веселье
 На скакуне

Погнался за газелью
 И увидал тебя
 Среди мрачных скал.

А там пастушка
 Вышла б непременно,
 Что стала у него
 Звездой гарема...

А впрочем, что я?..
 Нам впадать ли в стыд,
 Когда на травке,
 Ленисто примятой,

Здесь наяву
 Телятница сидит.
 Газелей, правда, нет,
 Но есть телята.

Как ей сказать,
 Душой не погреша,
 Как ей сказать

Без живописной фальши,
 Что ты, мой родничок, –
 Моя душа,
 Что лучше бы
 Поить бычков подальше.

Бычки
 Ни капли
 Из него не выпили,
 Ни капельки не выпив,
 Ископытили,
 Втоптали в грязь
 Бесхитростный лоток,
 Что я принёс тебе
 Взамен бетона...

Ну что ж, поправлю,
 Что-то сдвину, сторону –
 И закурлычет вновь
 Твой вечный сток.

Но всё-таки боюсь,
 Всегда боюсь,
 Когда я с ним
 Надолго расстаюсь,

Боюсь, что без меня
 И хан Гирея
 Мой родничок
 Однажды захиреет.

ЗВЕНИТ...

Звенит...

Звенит...

Звенит...

Игрун серебряный,
Родник меня роднит
С родимой природой.

Он ведал и врага,
Он знает и увечье.
Лицо у родника
Почти что человечье.

Глаза у родника,
Светло, порою тупо,
Из веток ивняка
Глядят, как из-под чуба.

Бывает, чёрным днём
В болотистом сопенье
Он дремлет бобылём,
Живущим в запустенье.

Он гибнет на миру,
Не зная состраданья.
Вот я его беру
На перевоспитанье.

Вновь делаю певцом,
Почти Козловским сразу.
Он просветлел лицом,
Прозрел десятиглазо.

Глядит из ивнячка –
И сколько дум заветных
В тех камешках-зрачках
Причудно многоцветных.

Как мило,
Как легко,
Как радостно с нехмурым
Общаться родником,
Как творческой натурой.

Хоть труд и небольшой,
Но, лик его очистив,
Добрался я душой
До самых главных истин.

Звени!..
Звени!..
Звени!..

**РОДНИК СТРУИЛСЯ
ВО ВСЮ ПРЫТЬ...**

Родник струился
Во всю прыть,
И я, как полагается,
Напившись,
Кран хотел закрыть,
А кран
Не закрывается...

Я НЕ ЛЮБЛЮ НЕМЫЕ РЕКИ...

Я не люблю немые реки,
Я говорливые люблю,
Их перекатные разбеги
И волн весёлую гульбу.

Не сорванными якорями,
В глуби обретшими покой, —
Они богаты пескарями...
Я, тихий, вырос на такой.

Река моя
Меж берегами
То меркнет, то в лучах горит.
Она с весёлыми стрижами
О чём-то нежном говорит.

Да, не со мной,
Жалевшим время
На ласку этих милых вод,
А разговаривает с теми,
Кто прилетает каждый год.

Ворчит,
Как будто мне двенадцать,
Всё сердится, а я молчу,
Хотя и мог бы оправдаться,
Но оправдаться не хочу.

Лежу,
Гляжу в туман глубинный,
Где окунь водит плавником.
Как перед женщиной любимой,
Мне, виноватому,
Легко.

Я ГЛЯЖУ НА РОДНЫЕ МЕСТА...

Я гляжу
На родные места:
Лейся, лейся
В меня, красота!

Лейся, лейся,
Заполни утраты,
От которых
Душой изнемог.
Но и свет,
И цветов ароматы –
Всё уходит в меня,
Как в песок.

А Душа
Между тем
Всё пуста.
Лейся, лейся
В меня, красота!..

ПРОЩАЙ, СЕЛО!

Прощай, село!
Я сын твоих полей.

Мне мил простор твоих зелёных пашен.
В прощальный час торжественно налей
Свой дикий хмель в приподнятую чашу.

В твоих чертах
Суровый признак есть.
И пусть я рос, по-детски мало нежась, —
В моей груди всё время будет цвести
Твоих лесов невянущая свежесть.

Мою страну
Не обойти в года.
Есть много мест,
Прославленных другими,
Но никому я счастья не отдам
Нести твоё немеркнувшее имя.

Промчится время — много, много лет,
Посмотрят люди, спросят мимоходом:
— Откуда он? —
И скажут им в ответ:
— Он — марьевский
И поступью и родом.

КОГДА ТЫ В МАРЬЕВКЕ ЖИВЁШЬ...

Когда ты
В Марьевке живёшь,
Обхаживая грядки,
Мне кажется,
Что мир хорош
И в мире
Всё в порядке.
Когда гора
Горит в заре,
А грудь рассветом дышит —
На той Назаркиной горе
Мы к правде
Чуть поближе.
Здесь тишина среди лопухов
И запаха капусты
Высоким криком петухов
Приправлена
Так вкусно.

Когда же
 Солнце на закат,
 Вздыхая аппетитно,
 Пылит молочный комбинат –
 Рогатый
 И копытный.
 И рад я,
 Что тебя привёз
 К земле первично-личной:
 Первичных дел,
 Первичных слёз
 И радостей первичных.

НА РОДИНЕ МОЕЙ ПОВЫПАЛИ СНЕГА...

На родине моей
 Повыпали снега,
 Бушует ветер в рощах голых.
 На родине моей,
 Должно, шумит пурга
 И печи топятся в притихших сёлах.

Приветом детства
 Встала предо мной
 С годами позабытая картина:
 Горит луна,
 И смутно под луной
 Поблёскивает снежная равнина.

Отбушевав,
 Снега притихли – спят.
 Среди снегов, запорошивших вербу,
 Полозья одинокие скрипят,
 Как будто жалуются небу.

Сместилось всё
В сознании моём:
Как будто брежу дальними огнями
И в полушубке стареньком своём
Шагаю за скрипучими санями.

Вновь мёрзну,
А дорога далека,
Сугробам белым нет конца и краю.
На родине моей
Повыпали снега.
Я их люблю,
За что – и сам не знаю.

ЖИЗНЬ ВСЁ ГРОМЧЕ, ВСЕ НЕОБЫЧАЙНЕЙ...

Жизнь всё громче,
Всё необычайней.
Мне пожить бы,
Как живут сельчане.

Я давно мечтал
В такой поре
Справить дом
На солнечной горе.

А ещё,
Мечтаний не мельча,
Пригорюнить баньку
У ручья.

От стихов
И городских истерик
Выйти с удочкой
На тихий берег.

И, отвагой
Творческой горя,
Выловить
Простого пескаря.

ДРУЗЬЯМ

Нет, друзья мои,
Вас я ещё не забыл
И столичную жизнь
Иногда вспоминаю.
Деревенский я весь,
Даже больше, чем был
До того, как увидел трамваи...

Не скажу,
Чтоб завидным
Казалось житьё,
Но зато и корова
Здесь голос имеет.
Как тягуче-пахуче
Глухое мычанье её,
На меня оно
Вечностью веет.

Здесь
Царят мотоциклы,
Дороги как трек,

Но, увижу в оглоблях
 Добрягу-конюгу,
 Как я рад,
 Что не предал ещё человек
 Своего вековечного друга.

Трактор – сила!..
 Что надо,
 Как надо везёт,
 А не грех и подумать
 В машины влюблённым:

Там, где трактор стоял,
 Ничего не растёт,
 Там, где лошадь, –
 Растут шампиньоны.

Время сено косить,
 А дожди – как из рек.
 Говорят, что в совхозе
 Тряхнули мошною:

Составляется смета
 На Ноев ковчег.
 Ищут старца
 На должности Ноя.

Не идёт, когда просят,
 Дождь, идёт, когда косят.
 Не идёт, когда ждут,
 А идёт, когда жнут.

Наших встреч,
 Нашей дружбы
 Разорвана нить.
 Не пытайтесь,
 Заботы моей
 Не поймёте.
 Ну а если ещё
 По газетам судить,
 Вы, наверно, уже
 В коммунизме живёте.

У поэтов, как слышу,
 Высокий престиж.

Узнаю из газет,
Что, на радость культуре,
Кто-то вылетел срочно
В Брюссель и Париж,
Кто-то рифму нашёл
В Сингапуре.

Ах «Урал»,
Мой «Урал»,
Трёхколёсный Пегас,
Ты на привязи нынче,
В дожде закавыка.
Где нам дальние страны,
Тогда как у вас
Что ни третий –
Почти что Громыко.

Здесь всё зримо,
Здесь жизни основа основ
Мне становится как-то
Намного яснее.

Как ни властна
Капризная магия слов,
Запах хлеба
Бывает сильнее.

И в раздумьях
Приходят минуты тоски...
Помню, в юности,
Книжки читая,
Я хотя бы мечтал
Где-то стать городским,
А теперь
И о том не мечтаю.

ДАВНО ЛЬ
ГОРДИЛСЯ САМ...

Давно ль
Гордился сам,
Что я деревне близкий.
Завидую певцам,
Поющим без прописки.

Им равно,
Где брать мёд,
Была бы лишь охота
Да был бы самолёт
Для дальнего облёта.

О Марьевка моя,
Догадкой оглоушен:
Ты родила меня,
А я тебе не нужен.

Ну что моя строка
Для всех твоих рассветов!

Сам вижу, что пока
Тебе не до поэтов.

Тебя и не виню,
Ведь надо ж не по слову
Выкармливать свинью,
Выдаивать корову.

Ведь надо ж для потреб
Космического века
Натружный сеять хлеб
И убирать до снега.

Но были же дела
И в той поре кипучей,
Когда ты родила
Меня на всякий случай.

Но я же твой, как свет
От твоего же пыла,
Иль случая всё нет,
Что обо мне забыла?

Не время,
 Ну и что ж,
 Одно мне сердце студит:
 Боюсь, что позовёшь,
 Когда меня не будет.

КЕДРОВАЯ ДОСКА

Усохла плоть,
 А воздух так смолист!
 Люблю момент,
 Когда своей изнанкой
 Доска кедровая
 Из-под рубанка
 Откроется глазам,
 Как нотный лист.

У музыки есть цвет.
 Держу пари,
 Нет цвета
 Полнозвучнее среди прочих,
 Когда лесной туман
 В прохладе ночи
 Сольётся в нём
 С полосками зари.

Смотри
 И вековую жизнь читай.

Точней и нотнее,
Чем на бумаге,
Читаются
Трагические знаки,
Означенные
Явно и впочай.

Читай, читай!
Был некий час грозы,
Что отразился
Выше на полтона
Зигзагом молнии,
Ожогом стона
И дробным следом
Золотой слезы.

Читай, читай!
Был некий год беды,
Когда, всё хлопотливее
К зимовке,
Не появились
Белки и кедровки

В бесплодной кроне,
Сникшей без воды.

Читай, читай!
Он умирал в тот год,
Униженный, без ветра,
Без качанья.
И наступило
Скорбное молчанье
В древесных линиях
Кедровых нот.

Вот новый знак,
Как перелом судьбы,
Вновь гроззовые
Слышатся раскаты,
Сильней раскатов
«Аппассионаты»
В порыве новой жизни
И борьбы.

И входит свет
В холодный мрак тоски:

Сегодня в мире
Нет ещё маэстро, –
Да что маэстро! –

Нет ещё оркестра,
Чтоб разыграть
Симфонию доски.

Когда ж постигнешь
Тайны всех замет,
Всю музыку,
Весь аромат живицы,
Благодари
Кедровую страницу,
Погладь рукой
Малиновый рассвет.

Сама земля
О кедре боль таит,
Не зря ему
В берёзовом подросте
На месте, где он рос,
Как на погосте
Нерукотворный
Памятник стоит.

Я шёл тропой.
След детства моего
Заштопан был щетинкою зелёной,
Но, как и прежде, у сырых обочин
Цвёл пышный дягиль и росла куга.
А чуть повыше –
За дымком зелёным
Молоденьких берёз, стоявших рядом,
Черёмуха белела, словно платье
Подружки, караулившей меня.
Мне вспомнилась она.
Меж тем тропинка
Вела меня всё дальше:
На опушке
Открылось мне село и на отлёте –
Двор МТС и пятистенный дом.
Я подошёл к крыльцу и, не гадая,
Не думая о том, как в доме встретят,
Поднялся я на шаткие ступени,
Тихонько постучался и вошёл.
Меня не ждали.

Мальчик крикнул:
– Мама! –
На зов его из комнаты соседней
Метнулась женщина, она спросила:
– Вы не к Сергею?
– Нет, я не к Сергею...
– А вам кого?
– Наташу... –
Удивлённо
Взлетели брови, и густой румянец
Залил её лицо, она сказала
Застенчиво и тихо:
– Я Наташа...
Сказала так застенчиво и тихо,
Как будто предо мною извинялась
За то, что лишь девическое имя
Сквозь годы пронесла без перемен.
Что говорить, она была красива
Неяркою, но милой красотой –
С большими незнакомыми глазами,
С чужим лицом и голосом чужим.

– Так это же ведь ты?! –
И засмеялась
Тем радостным и тем задорным смехом,
Как будто это прежняя Наташа,
В ней спрятанная,
Голос подала.
Сначала голос, а минутой позже
Я видел на лице её красивом,
Хоть все ещё чужом и незнакомом,
Те прежние, Наташины глаза.
И странно было видеть, как, меняясь
И голосом, и жестом, и глазами,
То девочка заговорит со мною,
То женщина степенно перебьёт...
В своей любви двоиться не умея,
Их слушая, я понял по всему,
Что женщина была верна Сергею,
А девочка, как прежде,
Не ему...

Как шумно птицы
На дворе галдят,
Предсказывают что-то –
Счастье ль, беды ль?
Да, птицы меж собою говорят.
Они мой двор
Избрали для беседы.

Мой двор им по душе,
Хоть в нём не густо,
Но знают птицы
По сравненью лиц:
Я им не враг,
Я человек искусства,
А все искусства –
От зверей и птиц.

Сороки верещат,
Летят к окошку,
Крылами бьют
О рамный переплёт:

«Ч-чужак!..»
 «Ч-чужак!..»
 Ну, что за шум?
 Ах, кошка!..
 Вернее, озорник
 Соседский кот.

Обескуражен
 На стезе зоренья,
 Лениво по картофельной ботве
 Уходит он,
 Исполненный презренья
 К безудержной
 Сорочьей болтовне.

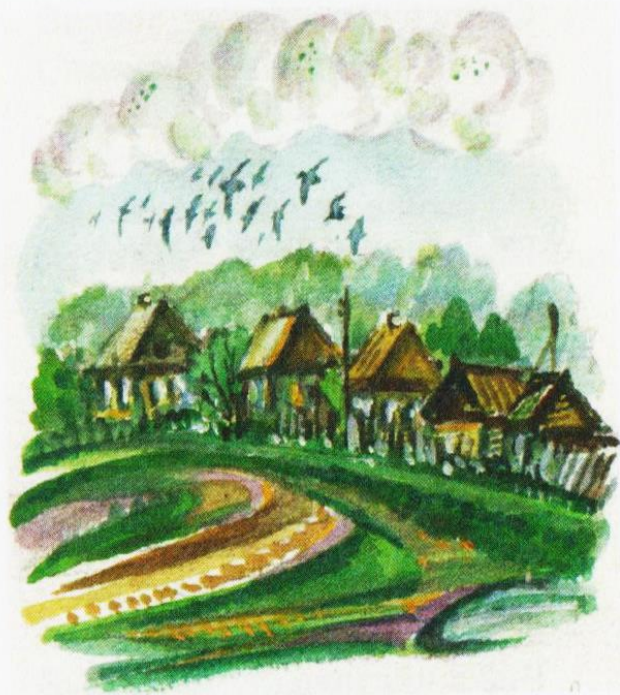
На столбушке
 Средь травок опушённых,
 Раззявя зев,
 Кургузым упырём
 Сидит большой
 Голодный кукушонок,
 И две синички малые
 При нём.

Он их сынок.
 Зев красный – прямо прорва:
 Синички, прилетев издалека,
 Чуть-чуть не залетают
 Сыну в горло,
 Передавая с лёту червяка.

Синички
 На сынка не надивятся.
 Нет у других синиц таких детей.
 Снуют,
 Порхают,
 Кормят тунеядца...
 Ну, одним словом,
 Всё, как у людей.

Строга природа,
 Всё в ней к ладу, к ходу,
 Всё к чистоте,
 А здесь такой туман.
 Как может с позволения природы
 Происходить
 Столь тягостный обман?

Восходит солнце.
Двор мой огласила
Иная песня сердца и души.

Летят стрижи,
В которых всё красиво:
Жизнь и полёт.
Да здравствуют стрижи!

Учитель
Через много лет
Прочтёт вопрос
На детских лицах:
«Как обновлялся старый свет
В своих изломанных границах?»

Чем наша Родина жила?
Кому судьбу свою вверяла?
А где тогда Сибирь была –
Всё там же,
За хребтом Урала?»

И давней битвы
Рванный след
Спокойно обведя рукою,
Он скажет:
«В дни народных бед
Сибирь стояла под Москвою».

РЫЖУХА

Очень часто,
Всем сердцем гордый
За места, где я жил и рос,
Вместо отдыха на курортах,
Взявши отпуск,
Я шёл в колхоз.
Вот дорога слегка пылится.
По дороге навстречу мне
Мчится рыжая кобылица
С русым мальчиком на спине.
Он сидел,
Боевой, глазастый,
Стиснув тонкие поводья.
Поравнялись.
— Рыжуха, здравствуй! —
Крикнул весело я тогда.
— Здравствуй, старая! —
Левым ухом,
Правым рыжая повела...
— Что вы, дяденька...

Та Рыжуха
Позапрошлый год умерла.
Это дочка,
«Весна» по кличке.
Трактор пашет вон там, где лес,
Ну, а мы с Весной рапортички
Возим в ближнюю МТС.
Мальчик долго не трогал с места,
Разговаривал всё бойчей...
Узнавая в нём чьё-то детство,
Я спросил его:
— Сам-то чей?
Пригляделся —
И вспомнил друга,
Что погиб на чужой земле...
— Ну, пошла! —
И малец упруго
Приподнялся вдруг на седле.
Как бы тело ни уставало,
Всё бы шёл я вперёд и шёл,
Потому что на сердце стало
И печально и хорошо...

ГИМН КОРОВЕ

Был вспоён волчицей
И Рем
И Ромул.
Мне ж, голодавшему
Много и тяжко,
В пользу пошло
Молоко коровы,
Доброй коровы
По имени Клашка.
Крупная,
Пёстрая,
Грустноглазая,
Идёт, бывало,
По лугу к берегу...
На левом боку
Темнеет Азия,
На правом боку
Пестрит Америка.
А как старалась,
А как понимала –

Всё понимала.
Глухими ночами
Клашка раздумывала
И вздыхала
И чаще и громче,
Чем наша мама.
Она не паслась,
А всегда трудилась,
Она в родной
Луговой обширности
Траву выбирала,
Для нас
Стремилась
Дать молоко
Повышенной жирности.
Бывало, исчезнет.
Время тянется
В поисках Клашки...
И глядь,
Вперевалочку
Клашка откуда-то
С дочкой явится,

С этакой робкой
 Пёстрой
 Дрожалочкой.
 Что за чудо
 И что за оказия!
 Как у мамыши,
 По шёрстке беленькой
 На левом бочку
 Темнеет Азия,
 На правом бочку
 Пестрит Америка.
 Можете спорить
 И спорить:
 Прав ли я?
 Но за Клашкой моей
 Всё полезное:
 Тут и масло,
 Тут и география,
 Тут и ряженка,
 Тут и поэзия.
 Что же,
 И Рем и Ромул

Праведники,
 Мол, Рима твердыни
 Ими созданы!
 Что же,
 Волчице
 Ставят памятники,
 А Клашке моей
 Еще не воздано!
 Аз воздам!

Под статейки
 О колхозном праве
 Что-то перестали
 Сеять травы.
 Под крутые,
 Боевые речи
 Что-то перестали
 Сеять гречу.
 При решеньи
 Мировых вопросов
 Что-то перестали
 Сеять просо.
 Что-то в царстве
 Света и металла
 Масла конопляного
 Не стало.
 А ведь, помню,
 От такого масла
 В старом блюдце
 Тряпочка не гасла.

Наш мир беднеет.
 В мире что-то гибнет.
 Был мамонт,
 А у мамонта тропа.
 От мамонтов остались
 Только бивни,
 Да кости белые,
 Да черепа.
 Была тайга,
 Дремотна и космата,
 Была сосна,
 Была, да стала пнём.
 Теперь лишь пни остались
 В три обхвата
 Да корни,
 Поразмытые
 Дождём.
 И только память
 Сохранить сумела,
 Как осенью,
 Заполонив поля,

Тайгой шумела
 И тайгой темнела
 В три человечесьих роста
 Конопля.
 Ни ёлка,
 Соскочившая
 С пенёчка,
 Ни конопели
 Дымчатый прибор –
 Ничто не уходило
 В одиночку,
 А что-то уводило
 За собой.
 О, конопля,
 Сбежавшая от прясла,
 Ты в детской
 Не участвуешь игре!
 Ни запаха,
 Ни семечка,
 Ни масла,
 Ни коноплянки,
 Певшей на заре.

Природа
 И мудра
 И терпелива,

Но люди, люди,
 Надо же понять:

Ей, как на фронте,
 В случае прорыва
 Приходится
 На флангах
 Отступать.
 И отступает,
 И теряет вовсе
 Она себя...
 Да что там говорить!
 Её утрат
 Ни в мраморе,
 Ни в бронзе,
 Ни в чём другом
 Уже не повторить.

ПРИЛЕТЕЛ Я ДОПОДЛИННО ГОЛУБЫМИ ПУТЯМИ...

Прилетел я доподлинно
 Голубыми путями.
 Меня встретила Родина
 Проливными дождями.
 Тучка к тучке летела,
 Дождик лился и лился,
 Видно, очень хотела,
 Чтоб я сразу отмылся.

По главной сути

По главной сути
Жизнь проста:
Её уста...
Его уста...

Она проста
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнёт к груди.

Весь смысл её
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То всё ошибки,
Всё накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Её уста,
Его уста...

ЛАНДЫШИ

Ларе

Девочка кричала
В толпе шумливой:
– Ландыши! Ландыши! –
Взял букетик, подал любимой.
– На! Дыши!

Залюбовалась букетом белёсым,
Лучшим из моих подношений.
– Пахнут, – сказала, –
И лугом, и лесом,
И холодком
Наших с тобой отношений.

Я об этом подумал тоже
И, подумав, взгрустнул от души.
А девочка кричала,
Кричала прохожим:
– Ландыши! Ландыши!

Так мне велит
 Души моей настрой:
 Пусть буду
 Испытаньям я подвержен,
 Пусть жизнь со мною
 Поступает твёрже,
 Но только не обходит
 Красотой!

КРАСИВЫМ

Люблю красивых...
 Жизнь их,
 Быт их,
 Глаза,
 Улыбку,
 Добрый смех
 Воспринимаю
 Как открытье,
 Наиглавнейшее из всех.

В них всё:
 И ум,
 И обаянье,
 И гордый жест,
 И поступь их -
 Мне явится
 Как оправданье
 Всех мук моих,
 Всех слёз моих.

Зачем
 Прекрасными чертами
 Так полно
 Каждый наделён?

Красивые,
 Они за нами
 Пришли
 Из будущих времён.

В этом
 Нет моей вины,
 И отчаиваться нечего.
 У поэта нет жены,
 У поэта только Женщина,
 Только Женщина – да, да! –
 Пусть простит мне жизнь убо-
 гая,
 Только-только та одна,
 Недоступная,
 Далёкая.
 Только та,
 Что темноту
 Отгоняла светом вымысла,
 Только та, что красоту
 Из моих мечтаний вынесла.
 Мой порыв её вознёс
 Выше нашей повседневности,
 Выше горя,
 Выше слёз,
 Выше страха,
 Выше ревности.

В ней
Всё чудо,
Всё моё.

Но тебя люблю ведь тоже я,
Потому что на неё
Ты немножечко похожая.

ВОСТОЧНЫЙ МОТИВ

Я скажу: «Милая...»
 Я скажу: «Милая!..»
 Я скажу: «Милая!!»

Раз скажу «милая» –
 Губы раскроются,
 Два скажу «милая» –
 Сердце раскроется,
 Три скажу «милая» –
 Душа распахнётся.

Милая – сильное слово,
 Милая – очень сильное слово,
 Но слово «люблю» – сильнее.

Шепну ей: «Люблю...» –
 Сердце заколотится.
 Скажу ей: «Люблю!..» –
 Голова закружится.
 Спою ей: «Люблю!!» –
 Слезы выступят.

«Земля» – доброе слово,
 Но оно для любви.
 «Весна» – тёплое слово,
 Но оно для любви.
 «Звезда» – дивное слово...
 И оно для любви.

Всё для любви:
 И земля,
 И весна,
 И звёзды.

Весь год
 Трудилась вселенная,
 Весь год хороводила,
 Чтобы пришло
 Великое противостояние
 наших сердец.

Если б
 Богом я был,
 То и знал бы,
 Что творил
 Женщину!

Если б
 Скульптором стал,
 Высек бы
 Из белых скал
 Женщину!

Если б
 Краски мне дались,
 Рисовала б
 Моя кисть
 Женщину!

Но
 Не бывшую со мной
 И не ставшую женой
 Женщину!

СКУЛЬПТОР

Он так говорил:
 – Что хочу – облюбую,
 А что не хочу – недостойно погони. –
 Казалось, не глину он мнёт голубую,
 А душу живую берёт он в ладони.

Ваятель,
 Влюблённый в свой труд до предела,
 Подобен слепому:
 Он пальцами ищет
 Для светлой души совершенное тело,
 Чтоб дать ей навеки живое жилище.

Не сразу,
 Не сразу почувствовать смог он,
 Не сразу увидеть пришедшие властно:
 И девичий профиль,
 И девичий локон,
 Капризную грудь,
 Задышавшую часто...

Но тщетно!
И, верен привычке старинной,
Он поднял над нею дробительный молот
За то, что в душе её — глина и глина...
За то, что в лице её — холод и холод...

Нам жизнь благодарна
Не славой охранной,
А мукой исканий, открытием секрета...
Однажды,
На мрамор взглянув многогранный,
Ваятель увидел в нём девушку эту.

Невольно тиха
И невольно послушна,
Она, полонённая, крикнуть хотела:
«Скорее, скорее!
Мне больно, мне душно,
Мне страшно!
И мрамор сковал моё тело».

— Не будешь,
Не будешь,
Не будешь томиться,
Ты видишь, как рад твоему я приходу! —
Схватил он резец,
Словно ключ от темницы,
И к ней поспешил,
Чтобы дать ей свободу.

Заспорил он с камнем,
Как с недругом ярим...
И, споря с тем камнем,
Боялся невольно,
Чтоб пряди не спутать,
Чтоб резким ударом
Лицо не задеть
И не сделать ей больно.

Из белого камня она вырывалась,
Уже ободрённая первым успехом,
С таким нетерпением,

Что мрамор, казалось,
Спадал с её плеч горностаевым мехом...

С тех пор,
Равнодушная к пёстрым нарядам,
Легко отряхнувшись
От мраморных стружек,
Глядит она тихим,
Задумчивым взглядом
На мимо идущих весёлых подружек.

На жизнь трудовую,
Чтоб здесь не стоять ей,
Она променяла бы долю такую.
Стоит и не знает она, что ваятель,
Блуждая по городу,
Ищет другую.

Радость,
Нежность
И тоска,
Чувств нахлынувших
Сумятица,

Ты – как солнце
Между скал:
Не пройти
И не попятиться.

На тебе
 Такой наряд:
 Сердце вон
 За поглядение.
 Ты светла,
 Как водопад,
 С дрожью,
 С ужасом падения.

Ты извечная,
 Как Русь,
 Ты и боль
 И врачевание.
 Я не скоро
 Разберусь,
 В чем
 Твоё очарование.

Как цветы на заре,
 Так и люди в любви хорошеют.
 Неразгаданный взгляд
 Моё вольное сердце потряс.
 Руки пьяно, как хмель,
 Оплели мою гордую шею,
 И глаза почему-то
 Нельзя оторвать мне
 От глаз.

Всё гляжу и гляжу –
 И никак не могу наглядеться.
 Так в причудливом мире
 Робеет душа новичка.
 Вижу робость и зов,
 Вижу юность и детство,
 Опрокинутый мир,
 Отражённый
 В огромных зрачках.

Всё гляжу и гляжу,
 Оторваться не в силах
 От весёлых-весёлых,
 Бесовских во плясе кудрей,
 От бесстыдно зовущих,
 От страстно и сладостно милых:
 Милых губ,
 Милых глаз
 И летящих бровей.
 Ну люби!
 Ну люби!
 От любви
 Никуда нам не деться.
 Ну люби же, люби!..
 Я давно этой радости ждал.
 Мы одни. Никого.
 Убежало стыдливое детство.
 Страх метался в заре
 И за краем земли пропадал.

ЗВЕЗДА

Л. Ф.

Нравнодушная к приметам,
 Ты помнишь ли ту ночь,
 Когда
 Среди звёзд,
 Горевших ровным светом,
 Явилась странная звезда?

Ты помнишь,
 Как тебя пугало,
 Что та звезда
 Среди звёзд других
 То совершенно потухала,
 То разгоралась ярче их?

Так и любовь.
 То вспыхнет тоже,
 То вдруг погаснет, на беду...
 Она у нас с тобой похожа
 На ту капризную звезду.

Мне долго было неизвестно,
 Как жизнь планетная течёт.
 Однажды тайну тел небесных
 Открыл мне старый звездочёт.

На голубые глядя точки,
 Сказал он мне тогда:
 – Сравни,
 Все эти звёзды-одиночки –
 Без перемен горят они...

А ваша,
 Что предстала взглядам
 Печальным признаком беды,
 Не одинока...
 Это рядом
 Бредут по небу
 Две звезды.

С душой,
 Не созданной
 Для драк и споров,
 С неробкою,
 Но доброю душой,
 Я в этот мир
 Печалей и раздоров,
 Должно быть,
 Преждевременно
 Пришёл.
 И потому,
 Чтоб недругу
 Не вторить,
 Я научился
 Гневаться
 И спорить.
 Для той любви,
 И светлой
 И наивной,
 Был создан я

На празднике ночей,
 А приходил лишь
 На её руины
 И склеивал
 Обломки кирпичей.
 И склеил я.
 Не оробел.
 Не сник.
 Своей любви
 Я здание воздвиг.

Любовь – восторг,
 Любовь – печаль,
 Любовь всем бедствиям родня.
 Увы, не радости её,
 А беды пали на меня.
 Из десяти, затмивших свет,
 Я, сирый, принял девять бед,
 Да и десятой половину
 Понёс, в пути не оброня.

Потом,
 Когда остатки их
 Любовь бросала на других:
 На джинов, на творцов и прочих,
 Опять не обойдён был я.
 Мне снова, будто был я вол,
 Досталась половина зол.
 Что было делать? Взял я эти,
 Ни в чём Аллаха не вина.
 А люди в страхе от любви

Мученья бросили свои.
 Я подобрал людские муки,
 Устало голову клоня.

Награда есть ли?
 Не видна.
 Всем людям Бог налил вина.
 А у меня бушует в чаше
 Угар кровавого огня.
 О, Навои, не прекословь,
 Всё благо, что даёт любовь:
 Любовь-тоска,
 Любовь-мученье,
 Любовь-копье,
 Но и броня.

Сдержаться в чувствах
 Не умеючи,
 С тобою часто ссорюсь я.
 Какие-то пустые мелочи
 Мешают видеть мне тебя.

В дороге
 Мелкое теряется,
 В дороге с каждой верстой
 Всё больше,
 Больше проясняется
 Тот, настоящий,
 Образ твой.

Опять люблю,
 Тревог не ведая,
 И только в мыслях не решу:
 Что это?!
 От тебя же еду я,
 А кажется,
 К тебе спешу.

В своей
Скитальческой судьбе
Я много думал о тебе.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,
Я думал:
Все пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

Я думал,
Думаю и ныне,
Что справлюсь
С трудностью любой,
Пока мой разум не покинет
Надежда встретиться с тобой.

Я думаю:
Ничтожны муки,

И сколько ни пришло бы их,-
Пока приветливые руки
Касаться будут рук моих.

Но в эту ночь по Барабе
Такие ветры завывали,
Что даже мысли о тебе
Меня уже не согревали.

Застыли ивы в декабре...
И я под вой пурги истошный
Припал лицом
К рябой коре
Холодной ивы придорожной.

О, если бы она дала
В тот час утратившему силы
Хоть толику того тепла,
Которое в себе таила!..

В жестоком
Снежном мятеже,

Когда зарыться в снег охота,
Я замерзал – и глаз уже
Коснулась смертная дремота.

И ты пришла...
И в полусне
Ты всё-таки пришла ко мне.

Сквозь непроглядную метель
Идти меня поторопила,
Сказав, что постлала постель
И печку в доме затопила.

И голос твой
Меня увлёл...
Разгорячённого от бега
Ты привела на огонёк
И растворилась
В хлопьях снега.

Словами строгими,
Как в гимне,
Не помышляя о тепле,

Я говорю:
Пути легки мне,
Пока ты ходишь по земле.

И мороз,
И снег бескрайний.
На стекле, прикрыв закат,
Зарождается из тайны
Белый,
Белый,
Белый сад.

Всё бело,
Как в дни цветенья:
Ветви, листья и трава.
Нежные до изумленья
Зачинаются слова.

Слышу
Птичье щебетанье,
Вижу белых гроздьев дрожь.
Только знаю,
На свиданье
В этот сад
Ты не придёшь.

Как хорошо,
Что за крутыми
За гребнями
Далёких гор
Меня, забытого другими,
Ты вспоминаешь
До сих пор!

О, вспоминай!
В строках послушных
О нежных чувствах
Святословь.
Люби меня!
Средь равнодушных
Мне так нужна
Твоя любовь!

Бывало часто,
С жизнью споря,
Слабел я, горе затаив,

Мне чудились
 В минуты горя
 Цыганские глаза твои.

И было в них
 Так много света,
 Огня, как в золотом вине.
 Как хорошо,
 Что где-то, где-то
 Ты вспоминаешь
 Обо мне!

ВТОРОЙ ОГОНЬ

Любовь горела,
 А не тлела.
 И всё же, к радости моей,
 Не до золы она сгорела,
 Но, как берёза,
 До углей.

Она,
 Ничем не оградима,
 Переменяя страсть и гнев,
 Вся изошла огнём и дымом
 И вся распалась,
 Почернев.

Погибла?
 Нет.
 Вернее прочих
 Я знаю цену угольку
 И каждый чёрный уголёчек
 В душе холодной берегу.

В моей душе,
 Как в горне грубом,
 Небесполезно им лежать.
 Лишь только б огонёк...
 Да губы...
 Да губы,
 Чтобы подышать.

Не гибнут страсти.
 Над враньём
 Опять смеюсь.
 Пусть не лукавят.
 Любовь горит
 Вторым огнём.
 В таком огне
 Железо плавят.

В наше счастье
 Веры больше нету.
 Мне обидно,
 Что в чужом краю
 Принял я за чистую монету
 Лёгкую привязанность твою.

И не то мне жаль,
 Что, пламенея,
 Я тебя и нежил и ласкал.
 Жаль мне то,
 Что, от тебя пьянея,
 Я своей любимой
 Не искал.

Поглядеть бы
 На любовь-потерю,
 Тронуть кудри
 Ласковой рукой...
 В мире есть такая.

Я не верю,
Чтобы в мире
Не было такой.

Может, поздно?
В муках угрызений
Сердце бьётся
В поисках порук.
В мире было столько
Потрясений,
Сколько было горестей...
А вдруг?..

Может быть,
В надежде тосковала,
Всё ждала
И уставала ждать?..
Может, ей меня
Недоставало,
Чтобы жить
И в жизни устоять?..

Есть такая!
Каторжной работой
Сто каналов
К ней готов прорыть.
Если сердце
Бьётся для кого-то,
Значит, этот кто-то
Должен быть.

Любовь мне –
 Как блистание
 Звезды над миром зла.
 Любовь мне –
 Как призвание
 На добрые дела.

Чтоб мир
 Отмылся дочиста,
 Душа тревогу бьёт.
 Любовь мне –
 Как пророчество,
 Зовущее вперёд.

Любовь –
 Как жажда истины,
 Как право есть и пить.
 Я, может быть,
 Единственный,
 Умеющий любить.

Весь отдаваясь помыслу,
 Надежде на тебя,
 По радуге,
 Как по мосту,
 Поднялся к солнцу я.

За красоту,
 За радости,
 За то, что счастье знал,
 В порыве благодарности
 Я солнце целовал.

Любил,
Как сон,
Прелестную,
С мечтой
И грустью в облике,
Любил полунебесную,
Стоящую на облаке.

Не видел,
Как менялася
С бедою неутешною,
Не видел,
Как спускалася
С небес
На землю грешную.

Не тихою,
Не слабою,
Но рано песню спевшую,
Увидел просто бабою,
Уже отяжелевшую.

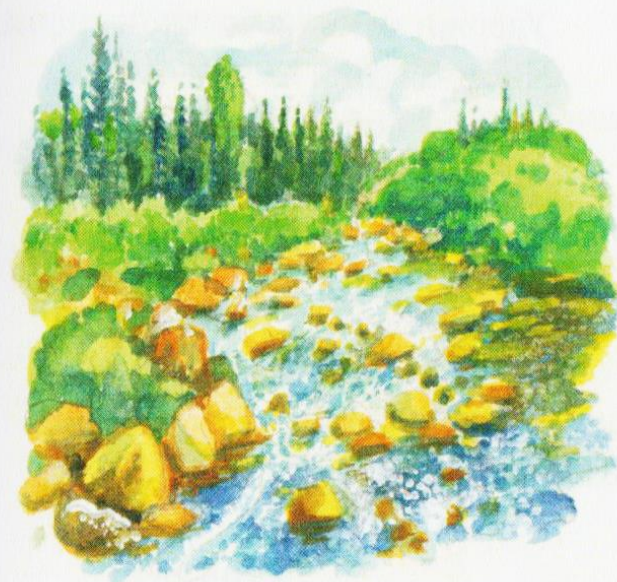
Такая
И встречается,
Такая мне и любится.
Мой вкус
Перемещается
От Рафаэля
К Рубенсу.

А я когда-то думал,
 Что седые
 Не любят,
 Не тоскуют,
 Не грустят.
 Я думал, что седые,
 Как святые,
 На женщин
 И на девушек глядят.

Что кровь седых,
 Гудевшая разбойно,
 Как речка,
 Напоившая луга,
 Уже течёт
 И плавно,
 И спокойно,
 Не подмывая
 В страсти берега.

Нет,
 У седой реки
 Всё то же буйство,
 Всё та же быстрина

И глубина...
 О, как меня подводит седина,
 Не избавляя
 От земного чувства!

Бог любви,
Я снова в сердце ранен.
Огради от смертного одра,
Удержи меня на светлой грани,
Чистой грани
Мира и добра.

Ну полно...
Полно...
Мне тоскливо!..
Угомонись,
Раздор не сей.
Зачем же так несправедливо
Ругаешь ты моих друзей?

Ты злишься,
Что они приходят
Смущать нездешней красотой,
Что в поздний час меня уводят
Бродить под звёздной высотой.

Не знаю,
Чем ты оскорбилась,
Когда сказала, их браня:
– Они тебе, скажи на милость,
Дороже хлеба и меня!

Ну полно же,
 На них не сетуй.
 Вершители людских судеб,
 Мои друзья – они поэты,
 Необходимые, как хлеб...

И всё ж
 Их не сравню с тобою.
 Без хлеба всё-таки живут.
 Ты – воздух мой,
 А без него я
 Не проживу и трёх минут.

Семнадцать...
 Двадцать...
 В годы те,
 Что понимал я в красоте?!

Румянца ль видя густоту
 Иль бровь, приподнятую круто,
 Я счастлив был,
 Я красоту
 С беспечной молодостью путал.

Теперь мне далеко за тридцать,
 И потому тоскливей пса
 Бездомного
 Гляжу я в лица,
 Ищу любимые глаза.

Ровесниц вижу увяданье,
 Уже не юности расцвет,
 А пережитого страданья
 Милей мне
 Благородный след.

Давно забылись
 Дни свиданий,
 Но то стыдливей, то бойчей
 Свет запоздалых ожиданий
 Всё светится в глуби очей.

Румянец спал
 Пыльцой цветочной,
 И бровь непросто приподнять.
 Та красота была непрочной,
 А эта...
 Эту не отнять.

* * *

Как пламя яркого огня,
 Непотухающего вечно,
 Ты мне нужна не для меня,
 Нужна ты истине сердечной.

Когда-то у родных полей
 Я тайну о тебе подслушал.
 Напев о красоте твоей
 Запал в ребяческую душу.

Тогда к деревьям у пруда
 Я обращался с горькой речью:
 «О, неужели никогда
 Я на земле её не встречу?!»
 Тогда с тревогою к воде
 Я подходил как можно ближе.
 «О, неужели же нигде
 Её лицо я не увижу?!»

Я в поисках провёл года,
 Переходя через утраты.

О, неужели никогда
И не поймёшь ты,
Как нужна ты!

Нужна, как воздух для огня,
Чтоб не погас он скоротечно,
Нужна не просто для меня –
Ты истине нужна сердечной

Мастерство
Заразительней многих зараз,
Когда вирус прекрасного
Душу нам точит.
Тот, кто в жизни
Красивое сделал хоть раз,
Сделать что-нибудь плохо
Уже не захочет.

Доброта
Ещё выше земной красоты,
Она души людские
По-своему метит.
Даже капелька
Поздней твоей доброты
Всё, что сделал недоброго,
Сразу осветит.

Всех простил,
 Мне простили, кого огорчал,
 И казалось уже,
 Что, вплетённые в строчку,

Красоту с добротой
 Я давно повенчал,
 Но они, как и прежде,
 Идут в одиночку.

СЕРДЦА

Всё испытав,
Мы знаем сами,
Что в дни психических атак
Сердца, не занятые нами,
Не мешкая займёт их враг,
Займёт, сводя всё те же счёты,
Займёт, засядет,
Нас разя...
Сердца!
Да это же высоты,
Которых отдавать нельзя.

РАСПАХНУТОЕ СЕРДЦЕ

Не веря
Сказочному берегу,
Не веря
Собственным глазам,
Меня откроют,
Как Америку
Открыли
Сотни лет назад.

Обидно мне,
Что не подслушаю,
Когда уж буду
Глух и нем,
Как хлынет
Над полынной сушею
Живой поток
Моих поэм...

СОДЕРЖАНИЕ

Я марьевский (предисловие).....	5
Другу	9

Марьевская летопись

Корни.....	13
«Вспоминается детство...»	16
Следы	19
Озеро Кайдор.....	23
Блины	29
«Я в городах строенья возводил...»	31
Любка-Любочка	32
Кузьмиха	36
У родника	40
Звенит	44
Родник струился во всю прыть	47
Я не люблю немые реки	48
Я гляжу на родные места.....	50
Прощай, село!	51
Когда ты в Марьевке живёшь	53
На родине моей выпали снега	55
Жизнь всё громче, всё необычайней	59
Друзьям	61
Давно ль гордился сам	66
Кедровая доска	69

«Я шёл тропой...»	74
«Как шумно птицы...»	77
«Учитель через много лет...»	81
Рыжуха	82
Гимн корове	84
«Под статейки о колхозном праве...»	90
«Наш мир беднеет...»	91
«Прилетел я доподлинно голубыми путями...»	93

По главной сути

«По главной сути...»	97
Ландыши	99
«Так мне велит души моей настрой...»	100
Красивым	101
«В этом нет моей вины...»	103
Восточный мотив	105
«Если б Богом я был...»	108
Скульптор	109
«Радость, нежность...»	113
«Как цветы на заре...»	115
Звезда	117
«С душой, не созданной...»	119
«Любовь – восторг...»	121
«Сдержаться в чувствах...»	123
«В своей скитальческой судьбе...»	124
«И мороз, и снег бескрайний...»	128

«Как хорошо...»	129
Второй огонь	131
«В наше счастье...»	133
«Ты шепчешь...»	136
«Любовь мне – как блистание...»	138
«Весь отдаваясь помыслу...»	139
«Любил, как сон, прелестную...»	140
«А я когда-то думал...»	142
«Бог любви...»	144
«Ну полно, полно...»	145
«Семнадцать...»	147
«Как пламя яркого огня...»	149
«Мастерство...»	151
Сердца	154
Распахнутое сердце.....	155

ББК 84Р6(2Р-4Кем)
Ф 33

На фронтисписи портрет
Василия Фёдорова
художника
Германа Захарова

© В.П. Кравчук, художник, 2016
© В.И. Лаврушкина, составитель, 2016
© Г.И. Карпова, составитель, 2016

6+

*Художественно-иллюстративное
издание*

Василий Дмитриевич Фёдоров
«Дивись тому, что ты живёшь»
Стихотворения

Редактор В.А. Никулина
Составители
В.И. Лаврушкина
Г.И. Карпова
Дизайн В.П. Кравчук
Компьютерная вёрстка Д. Милая
Корректор С.А. Мазаева

Подписано в печать 30.06.2016. Формат 70x108 1/64.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать цифровая. Тираж 150 экз. Заказ № 338

Кемеровская областная научная библиотека им. В.Д. Фёдорова,
г. Кемерово, ул. Дзержинского, 19